

DOI: 10.31857/S032103910021405-8

C. CRISTE. 'Voluntas auditorum'. Forensische Rollenbilder und emotionale Performanzen in den spätrepublikanischen 'quaestiones'. (Kalliope. Studien zur griechischen und lateinischen Poesie, Bd. 15). Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2018. 404 S. ISBN: 978-3-8253-6907-1

Рецензируемая монография представляет собой переработанный вариант докторской диссертации немецкого исследователя Кристиана Кристе, защищенной в 2015 г. в Университете Людвиг-Максимилиана в Мюнхене.

В первой части обширного введения (с. 11–48) Кристе формулирует цели своей работы. В ней также содержится краткий экскурс в историю таких научных направлений, как история ментальности, историческая антропология и новая история культуры, методами и подходами которых широко пользуется автор (с. 22–29). За ним следуют описание методологии исследования (с. 29–31) и структуры монографии (с. 31–40), а также обзор важнейших трудов, посвященных изучению судебных речей Цицерона (с. 40–48). Главной своей задачей Кристе видит рассмотрение римского судебного процесса и судебной риторики в их культурном контексте (с. 35). Он справедливо отмечает, что в определенном смысле речи античных (и конкретно римских) ораторов представляют собой совершенно особую категорию исторических источников. Ключевой характеристикой любой речи является то, что она направлена прежде всего на убеждение слушателя и поэтому концентрируется именно на слушателе (с. 11–13). Одна из главных целей ораторского выступления — достижение консенсуса между говорящим и его аудиторией. Особенность судебной речи состоит в том, что оратору необходимо не просто добиться пассивного одобрения слушателей (в данном случае — в первую очередь судей), но и побудить их к активному действию, т. е. вынесению желательного для него приговора (с. 15). По этой причине римские ораторы должны были обращаться к общепринятым шаблонам мышления, принимая в расчет взгляды и представления своей аудитории, которые были обусловлены господствовавшими в обществе нормами, а потому их речи следует рассматривать в тесной связи с окружающей общественно-политической обстановкой и как отражение именно этой обстановки (с. 16). Поэтому судебные речи являются важнейшим источником информации о нормативных моделях поведения и укорененных в сознании римских граждан мнениях и ценностях (с. 35). Однако неправильно было бы утверждать, что оратор был вынужден просто транслировать общепринятые взгляды и не имел никакой возможности для маневра. Скорее следует говорить о существовании некоего ограниченного пространства, в рамках которого оратор мог относительно свободно выражать собственную точку зрения, не вступая в столкновение с представлениями и предубеждениями своих слушателей (с. 18). Таким образом, любая речь содержит как «формирующие мнение» (*meinungsbildende*), так и «отражающие мнение» (*meinungsabbildende*) аудитории элементы (с. 19). Кристе сосредотачивается на изучении последних. Таким образом, в центре внимания исследователя стоят не судебные ораторы, а их аудитория; это обстоятельство нашло отражение и в названии книги.

Если говорить об источниковой базе исследования, то Кристе концентрируется в первую очередь на анализе шести судебных речей Цицерона, произнесенных на процессах в *quaestio de sicariis et veneficiis* и *quaestio de vi*: «В защиту С. Росция из Америк», «В защиту Клуенция», «В защиту Суллы», «В защиту Сестия», «В защиту Целия» и «В защиту Миллона», периодически привлекая материал и из других его речей (с. 38–39). Автор также нередко обращается к риторическим сочинениям периода Поздней республики и Раннего принципата: «Риторике для Геренния», трактатам Цицерона, «Диалогу об ораторах» Тацита и «О воспитании оратора» Квинтилиана.

Во второй части введения Кристе дает краткую характеристику римских представлений о праве и судопроизводстве, рассматривая их с культурологической точки зрения, но затрагивает по ходу дела и некоторые юридические аспекты, обнаруживая при этом хорошее знакомство с соответствующей литературой (с. 49–62). Автор полагает, что позднереспубликанские *quaestiones perpetuae* в процессуальном отношении ознаменовали разрыв с традициями судопроизводства Ранней и Классической республики (с. 55). Таким образом, в этом вопросе он принимает точку зрения Т. Моммзена, а не В. Кункеля и его последователей, которые, как известно, полагают, что суд постоянных уголовных комиссий был логическим результатом развития предшествующей системы судопроизводства. Подводя итог, Кристе приходит к выводу, что в главных принципах, на которых основывался судебный процесс в *quaestio*, нашли отражение такие ключевые для римлян понятия, как право (*ius*), обычай (*mos*) и общее благо (*utilitas communis*) (с. 61–62). В заключение автор обращается к уже неоднократно обсуждавшемуся в литературе¹ вопросу о степени соответствия дошедших до нас письменных версий речей Цицерона их действительно произнесенным в суде вариантам (с. 62–69). Кристе приводит ряд аргументов, которые могут свидетельствовать в пользу того, что устная и письменная версии речей Цицерона не должны были кардинальным образом отличаться друг от друга (с. 64). Разумеется, они не были полностью идентичны: оратор при публикации вносил некоторые изменения, но их масштабы точно установить невозможно. Издавая свои речи, Цицерон преследовал прежде всего педагогические цели, рассчитывая, что они будут использоваться в качестве образцов молодыми людьми, обучающимися риторике (с. 65–66)². Поэтому, отмечает Кристе, письменные варианты речей в любом случае не содержат ничего, что не могло быть сказано на реальном судебном процессе, а только это и имеет значение для предпринятого им исследования (с. 67–68).

В первом разделе основной части монографии (с. 73–242) в центре внимания Кристе стоят ролевые модели поведения (*Rollenbilder*) двух категорий участников процесса в *quaestiones perpetuae*: обвинителя (*accusator*) и защитника (*patronus*). Автор исследует те неформальные требования, которые римское общественное мнение предъявляло к лицам, взявшим на себя эти роли, и анализирует, какое поведение с их стороны рассматривалось как ожидаемое и желательное. С точки зрения Кристе, эти ожидания касались в первую очередь трех аспектов: возраста (*aetas*), ораторских способностей (*ingenium*) и авторитета (*auctoritas*) (с. 39, 84). Рассматривая первый из них, автор приходит к выводу, что римские обвинители, как правило, были молодыми людьми, зачастую еще не начавшими политическую карьеру и не занимавшими значимых магистратур (с. 161–170). Благодаря своей молодости они пользовались в выступлениях перед судом большей свободой, чем защитники. Обвинительные речи отличались частым нарушением правил риторики, и поведение обвинителя на процессе обычно было более эмоциональным (с. 163–166, 170, 215–216, 233–235). С точки зрения римлян, свойства характера, присущие молодости, — честолюбие, юношеский пыл, откровенность — выступали гарантией добросовестного исполнения обязанностей обвинителя (с. 167). К защитнику общественное мнение предъявляло гораздо более жесткие требования. Важнейшим из них являлось наличие *gravitas*, которая была тесно связана с возрастом и социальным статусом. По этой причине защитники были обычно значительно старше обвинителей и чаще всего принадлежали к сенаторскому сословию, а круг ораторов, выступавших в судах с защитительными речами, был относительно узким. Произнося речь на процессе, защитнику следовало вести себя намного осторожнее и проявлять большую сдержанность, чем обвинителю (с. 158–160, 234). Принимая на себя защиту подсудимого, оратор ставил на кон собственный авторитет (с. 151).

Существенная разница в социальном статусе ораторов противоборствующих сторон компенсировалась, по Кристе, негласными правилами, согласно которым обвинителю не следовало в своей речи касаться *auctoritas* своего оппонента, а защитник должен был умалчивать

¹ См., например, Stroh 1975, 31–54; Alexander 2002, 15–26; Lintott 2008, 15–32 (с библиографией).

² Признавая, что Цицерон руководствовался помимо прочего и дидактическими целями, я все же не могу согласиться с тем, что именно они стояли для него на первом месте: на мой взгляд, главными его мотивами при публикации речей были конструирование своего публичного образа (это было важно для политической карьеры), а также забота о литературной и ораторской славе у современников и потомков (см. об этом, например, Enos 1988, 58; Plasberg 1962, 4; Alexander 2002, 25; Powell, Paterson 2004, 52).

о своем более высоком общественном положении. Нарушение этих норм могло навредить оратору в глазах слушателей (с. 203–210). Попытки защитника апеллировать к своему авторитету расценивались как проявление *potentia*, что рассматривалось как отклонение от идеала и требовало соответствующего ответа со стороны обвинителя. Тем самым обеспечивались свобода (*libertas*) и равенство сторон перед судом (с. 210–217, 234–235).

Представляется, однако, что Кристе несколько преувеличивает, утверждая, будто обвинители «были по большей части многообещающими молодыми политиками из сенаторского сословия» (с. 210). До нас дошли главным образом сведения о судах над представителями высших слоев, зачастую имевших политическую подоплеку, что может искажать подлинную картину. Тем не менее известно немало случаев, когда обвинителями в *quaestiones perpetuae* выступали лица, не сделавшие (а во многих случаях, вероятно, даже не стремившиеся сделать) политической карьеры³. Далеко не все они были молодыми людьми. Кроме того, вполне вероятно, что начинающие ораторы могли выступать в качестве не только обвинителей, но и защитников на процессах рядовых граждан. Без учета этих обстоятельств рассуждения автора о возрасте и социальном статусе судебных ораторов выглядят несколько легковесными.

Кристе подробно рассматривает мотивы, которыми руководствовались ораторы, принимая на себя обязанности защитника (с. 86–110) или обвинителя (с. 125–136). Корни римской судебной защиты следует искать, по его мнению, в системе патронатно-клиентских взаимоотношений (с. 86). Возникновение судебного патроната было связано с тем обстоятельством, что в древнейшую эпоху клиенты не имели права сами выступать в суде по своему делу, так что долг патрона по их защите уже достаточно рано распространился на юридическое представительство их интересов. Запрет клиентам самостоятельно защищать в суде свои интересы существовал недолго; тем не менее изначальное положение дел отразилось в позднейшем запрещении выступать в суде против своего патрона или клиента. Первая значимая веха в истории развития судебного патроната, которую можно зафиксировать, — это принятие в 204 г. до н.э. закона Цинция (*lex Cincia de donis et muneribus*), который запретил брать деньги и подарки за выступления в суде (с. 88). Появление такого закона свидетельствует, что уже самое позднее с конца III в. до н.э. клиенты старались взять себе в защитники лучшего из доступных им ораторов. Отныне защиту в суде лишь в редких случаях доверяли «природному», наследственному патрону. Выбор делался в первую очередь из прагматических соображений: клиент оценивал, у какого защитника больше шансов выиграть дело. Это привело к тому, что отдельные нобили, обладавшие хорошими ораторскими способностями, стали специализироваться на выступлениях в суде, так как это помогало их политической карьере. Ко времени Поздней республики это стало общепризнанной нормой, и нередко у защитника не было никаких связей с клиентом до процесса (с. 89). Однако и в эту эпоху между сторонами возникали взаимные моральные обязательства, так что и защитник, и подсудимый должны были вести себя определенным образом и действовать в рамках традиционных (прежде всего ритуальных) форм (с. 90). Если защитник не был «настоящим» патроном или другом (*amicus*) подсудимого, это могло дать стороне обвинения повод для упреков. Чтобы избежать этого и завоевать симпатии аудитории, оратор должен был как-то обосновать свое решение взять на себя защиту (с. 94–108). Например, Цицерон в некоторых случаях (речи «В защиту Клуенция» и «В защиту Суллы») объясняет его тем, что по ряду причин ему лучше, чем кому-либо другому, известны обстоятельства рассматриваемого дела (с. 147–149). В этой связи Кристе придает большое значение концепции *fides*, которую он рассматривает как центральное понятие римской общественной жизни. Узы *fides*, которую Цицерон (*Off.* I. 23) назвал *fundamentum iustitiae*, связывали друг с другом в том числе и участников судебного процесса: с одной стороны, это вера (*Glaube*) и доверие (*Vertrauen*) подсудимого к своему защитнику, аудитории — к ораторам обеих сторон, ораторов — к судьям, которые должны судить добросовестно и справедливо, с другой стороны, это «правдивость» (*Glaubwürdigkeit*) свидетелей, обвинителя и защитника (с. 108–116, 149–152). *Fides* устанавли-

³ См., например, Alexander 1990, 19, no. 37 (М. Юний Брут); 31, no. 61 (М. Гратидий); 45–46, no. 88 (Т. Барр); 56, no. 106 (Т. Барр); 66–67, no. 129 (Г. Эрुций); 70–71, no. 139 (Кв. Лоллий); 74–76, no. 147–149 (А. Клуенций Габит); 80, no. 159 (П. или Г. Коминий); 99–100, no. 198 (Стаций Альбий Оппианик); 102, no. 203 (П. Коминий); 154–155, no. 314 (Гн. Апоний, Г. Фидий или Г. Сей); 175, no. 368 (Г. Эруций). Большинство этих обвинителей были римскими всадниками (нередко итальянского происхождения).

вала взаимные обязательства участников судебного заседания и определяла их поведение по отношению друг к другу (с. 223).

Излагаемая Кристе теория возникновения римского судебного патроната в целом совпадает с взглядами большинства исследователей⁴. Однако, как представляется, ему следовало бы учесть также серьезные возражения против этой точки зрения, выдвинутые М. Александером, который полагает, что у нас нет убедительных свидетельств, подтверждающих прямую связь появления в Риме института судебной защиты с патронатно-клиентскими взаимоотношениями⁵.

К мотивации обвинителей римское общественное мнение, с точки зрения Кристе, предъявляло гораздо более строгие требования (с. 125). Общественно признаваемыми (и даже одобряемыми) мотивами обвинителя могли быть либо вражда (*inimicitiae*) к подсудимому, либо забота о благе государства (обвинение *rei publicae causa*), либо защита иноземных клиентов (ср. *Cic. Off.* II. 49–51), причем последние два мотива зачастую были тесно связаны друг с другом (как, например, в случае с Верресом, когда Цицерон, защищая интересы государства, одновременно выступал в качестве патрона сицилийцев). Забота о благе государства считалась наиболее достойным основанием для того, чтобы взять на себя обвинение (с. 133–134), но на практике чаще всего побудительными причинами выступали личная вражда и жажда мести (с. 134–137). Также в источниках хорошо засвидетельствованы случаи, когда честлюбивые молодые люди, желая заработать себе посредством выступления на громком судебном процессе репутацию хорошего оратора и приобрести славу и популярность, привлекали к суду видных политических деятелей⁶. Однако Кристе рассматривает эти соображения скорее как результат процессов, инициированных на основании одной из легитимных причин: обвинение, выдвинутое исходя только из этого мотива, якобы противоречило бы социальным нормам (с. 125, прим. 130). Между тем, на мой взгляд, некоторые свидетельства источников (в частности *Polyb. XXXI. 29. 8–12*; *Cic. Cael. 73*; *Apul. Apol. 66*) позволяют заключить, что такой мотив если и не был общественно одобряемым, то как минимум не встречал осуждения.

Кристе справедливо отмечает, что в сознании римлян существовала тесная связь между обвинением в суде и *inimicitiae*, которая нашла отражение даже в повседневной речи: например, выражение *inimicitias suscipere* могло использоваться вместо глагола *accusare*, а слово *inimicus* — как синоним *accusator*. Даже если между обвинителем и подсудимым до процесса не существовало вражды, она почти неизбежно возникала вследствие предъявления обвинения. Отсутствие враждебных отношений с подсудимым могло дать стороне защиты повод для упреков в адрес обвинителя. Зачастую речь шла о семейной вражде: мстить недругам своего отца, в том числе привлекая их к суду, считалось одной из важнейших обязанностей хорошего сына, исполнения которых требовала от него *pietas* (с. 126–131). По мнению Кристе, ритуализированная и ограниченная определенными, достаточно ясно очерченными рамками вражда вообще играла в Римской республике роль важного социального регулятора и была одним из механизмов контроля общества над отдельными своими членами. Это проявлялось и в уголовном судопроизводстве — с точки зрения римлян, враждебное отношение обвинителя к подсудимому имело много преимуществ: личный враг был лучше знаком с предшествующей жизнью обвиняемого, его характером и нравами (а такое знакомство считалось для обвинителя необходимым); кроме того, предполагалось, что вражда с подсудимым должна побудить обвинителя добросовестнее и усерднее выполнять свои обязанности. Вместе с тем полагали нужным поставить на пути обвинителей некоторые ограничения, чтобы воспрепятствовать превращению судов из места отправления правосудия в площадку для сведения личных счетов. Эти ограничения имели как этический (негативное отношение общества к лицам, регулярно выступавшим с обвинениями), так и законодательный характер (наказания, установленные за *calumnia*, *praevaricatio* и *tergiversatio*)⁷ (с. 143–147).

⁴ См., например, Crook 1967, 93; Kennedy 1968, 428; David 1997, 29–30; Powell, Paterson 2004, 14.

⁵ См. Alexander 1977, 146–154 (с подробной аргументацией). Эта важная работа автору рецензируемой монографии осталась неизвестна.

⁶ См. подробнее Steel 2016.

⁷ *Calumnia* — клевета, злонамеренное обвинение заведомо невиновного человека; *praevaricatio* — тайный сговор подсудимого с обвинителем, с тем чтобы последний нерадиво исполнял свои обязанности и обвинял только для вида; *tergiversatio* — отказ от обвинения без уважительных причин (см. Marcian. *Dig.* 48. 16. 1. 1: *calumniari est falsa crimina intendere, praevaricari vera crimina abscondere, tergiversari in universum ab accusatione desistere*).

По мнению Кристе, стороны обвинения и защиты в суде дополняли друг друга: «В идеальном случае *patronus* или *amicus* защищал человека от обвинения, которое предъявил его *inimicus*» (с. 152–153). Таким образом, на судебном процессе с обеих сторон выступали лица, наиболее близкие к подсудимому и лучше всего знакомые как с ним лично, так и с обстоятельствами дела⁸. В результате судьи получали шанс не только в деталях познакомиться с рассматриваемым делом, но и выслушать все возможные аргументы «за» и «против» обвиняемого. Это обстоятельство обеспечивало равенство (*Egalität*) сторон на процессе (с. 153, 155, 232–233, 236). Описанные выше социальные нормы и установки препятствовали профессионализации адвокатуры (как и любого другого вида деятельности), и хотя этот процесс в период Поздней республики уже шел, римляне продолжали твердо держаться за ставшие архаичными формы, так что завершили он лишь в эпоху Принципата (с. 155–157).

Кристе справедливо обращает внимание на подозрительное отношение римского общественного мнения к риторике и риторическому образованию, с которыми римляне близко познакомились во II в. до н.э. в результате контактов с эллинистическим миром (с. 174–178). Это предубеждение сохранялось еще в конце 80-х годов, когда Цицерон произносил речь «В защиту С. Росция из Америк». В этой речи он указывает на *ingenium* своего противника Г. Эруция как на опасное оружие, с помощью которого тот может ввести судей в заблуждение, и подчеркивает, что он, защитник С. Росция, выдающимся ораторским мастерством похвастаться не может (с. 178–181). Однако к середине I в. до н.э. *ingenium* превратилось в глазах общественного мнения в позитивное, и даже необходимое для судебного оратора, качество (с. 181–185). Тем не менее скептическое отношение к теоретическим познаниям в ораторском искусстве и техническим приемам риторики сохранялось, поэтому ораторы вынуждены были скрывать свое владение ими, прибегая к такому средству, как *dissimulatio artis* (хотя Цицерон в 50-х годах делает первые попытки обосновать пользу теоретических занятий риторикой). Предубеждение римлян относительно риторики полностью исчезло лишь в эпоху Раннего принципата (с. 185–193).

Благодаря всему вышеперечисленному судебное заседание в *quaestio perpetua* не было, по мнению Кристе, простым состязанием сторон во влиянии и социальном статусе. Нет оснований не верить свидетельствам источников о том, что главная цель судей на процессе заключалась в установлении истины (*veritas*). В реальности внешние факторы (в том числе политические) могли, разумеется, повлиять на приговор, однако это влияние рассматривалось как нежелательное: присяжные должны были судить добросовестно и свободно (с. 216–217, 233). От судей ожидалось наличие таких качеств, как доблесть (*virtus*), постоянство (*constantia*), усердие (*diligentia*), справедливость (*bonitas*), гуманность (*humanitas*), благоразумие (*sapientia*), проницательность (*consilium*), опытность (*prudencia*), предусмотрительность (*providentia*), добросовестность (*religio*), милосердие, снисходительность и кротость (*miser cordia*, *clementia*, *mansuetudo*, *lenitas*), но вместе с тем также суровость (*severitas*). Каждый из этих атрибутов предусматривал определенные правила поведения (с. 217–223). Считалось, что судьи несут ответственность за свои приговоры перед римским народом (который был для них «санкционирующей инстанцией», *Sanktionsinstanz*) и обязаны считаться с его ожиданиями. Однако в то же время присяжные должны были иметь мужество пойти наперекор общественному мнению, если таковое было ошибочным. Вынесение несправедливого с точки зрения народа решения могло навлечь на судей его ненависть (*invidia*). Недовольство общественного мнения приговором могло привести к новому обвинению оправданного лица и его осуждению, как это произошло в 54 г. до н.э. с А. Габинием и в 51 г. до н.э. с М. Валерием Мессалой Руфом (с. 228–232). В тех случаях, когда сторона защиты злоупотребляла своим авторитетом и влиянием, обвинитель мог апеллировать к *libertas* римского народа, чтобы общественное мнение оказало давление на судей и побудило их вынести решение, не зависящее от внешних факторов (с. 235). Равенство сторон процесса и непредвзятость судей образовывали фундамент *aequitas*, которая представляла собой основополагающий принцип функционирования позднереспубликанских *quaestiones perpetuae* (с. 236–237). Если справедливость вынесенного ранее приговора не ставилась общественным мнением под вопрос, ораторам нельзя было его оспаривать; напротив, им полагалось демонстрировать подчеркнутое уважение к решению присяжных (с. 224–227, 231, 235–236).

⁸ Кристе использует для характеристики этих лиц труднопереводимое на русский слово *Vertrautheit*, каковое качество, с его точки зрения, было в Риме ключевым элементом «доверия» (*Vertrauen*).

Второй раздел (с. 243–351), значительно уступающий по объему первому, посвящен исследованию «эмоциональных выступлений» (*emotionale Performanzen*) римских ораторов. По мысли автора, он должен дополнять первую часть книги, так как эмоции представляют собой один из способов, посредством которого общественные нормы проявляют себя вовне (с. 37). В первой главе (с. 243–255) рассматривается учение об эмоциях в риторических сочинениях Аристотеля и Цицерона. Затем Кристо анализирует, какую роль обращение к чувствам слушателей играло в римских судебных заседаниях. Он приходит к заключению, что демонстрация эмоций посредством голоса, жестов, мимики широко использовалась ораторами для убеждения аудитории (с. 283–287). Однако общественное мнение устанавливало строгие правила для таких демонстраций, которые не должны были угрожать принципу равенства сторон процесса (с. 351–352). Далее Кристо сосредотачивается на рассмотрении того, как в судебных речах находят отражение два чувства: стыдливость (с. 294–327) и страх (с. 328–350). Стыдливость (*Scham*)⁹ Кристо определяет как чувство, «которое проявляется исключительно при взгляде на социальные взаимодействия и позволяет понять, что человек признает и принимает свое общественное положение и не требует для себя большего, чем предусматривает его статус» (с. 296). Демонстрация оратором стыдливости подчеркивала не подлежащий сомнению авторитет судей и безусловное доверие к ним, что являлось вместе с тем проявлением уважения к общественному строю Республики. Кроме того, стыдливость регулировала поведение ораторов по отношению друг к другу (с. 303–322, 352–353). Демонстрация страха (*Furcht*) в нормальных условиях была нежелательным отклонением от нормативного поведения, так как она ставила под сомнение *fides* присяжных (с. 342–346). Однако в тех случаях, когда существовали внешние факторы, ставившие под угрозу справедливое рассмотрение дела (как, например, *potentia* Хрисогона на процессе америнца С. Росция или *invidia*, которую народ испытывал по отношению к Клуенцию), она могла использоваться для защиты фундаментального принципа *aequitas*: демонстрируя свой страх, оратор апеллировал к судьям, акцентируя их внимание на соответствующих неблагоприятных обстоятельствах (Кристо сравнивает этот прием с широко распространенным в Поздней республике обычаем публичной демонстрации траура — *squalor*) (с. 346–350, 354).

Каждый из двух разделов завершается небольшим заключением, в котором суммируются основные выводы автора. Общее заключение к монографии отсутствует, однако в нем, пожалуй, и нет особой нужды.

Фактических ошибок и неточностей в книге удалось обнаружить немного. Встречаются опечатки в латинских цитатах (например, на с. 54, прим. 25: *putatur is* вместо *putatur id*, *voluntatem* вместо *voluntate*; на с. 135, прим. 165: *causa* вместо *causas*). На с. 60, прим. 53 Кристо приписывает Э. Линтотту мнение, будто Лутациев закон *de vi* не предусматривал создания *quaestio perpetua*; в действительности Линтотт утверждает прямо противоположное¹⁰. На той же с. 60 английский ученый Арнольд Хью Мартин Джонс назван «Абелем». Подзащитный Цицерона Скамандр, которого в 74 г. до н.э. привлек к суду по обвинению в подготовке отравления А. Клуенций Габит, был, разумеется, не рабом (с. 104), а вольноотпущенником. На с. 130, прим. 149 Кристо повторяет ошибку Валерия Максима (V. 4. 4) и пишет, что юный М. Аврелий Котта, сын консула 74 г. до н.э. М. Аврелия Котты, привлек к суду *Гнея* Карбона, обвинителя своего отца; на самом деле речь должна идти о преторе 62 г. до н.э. *Гае* Папирии Карбоне¹¹.

К недостаткам монографии можно, на мой взгляд, отнести несколько тяжеловесный стиль автора, перенасыщенный сложными синтаксическими конструкциями, книжными и канцелярскими оборотами, а также чрезмерное употребление англицизмов и латинизмов даже в тех случаях, когда их можно без всякого ущерба для смысла заменить немецкими эквивалентами, так что чтение книги не назовешь легким и эстетического удовольствия оно, вероятно, не доставит.

Подводя итог, можно сказать, что монография Кристо представляет собой интересное и полезное исследование, хотя, как было показано выше, далеко не со всеми рассуждениями автора можно согласиться. Кроме того, хорошее знакомство Кристо с историографией позволяет читателю получить достаточно полное представление о текущем состоянии науки относительно рассматриваемых в книге проблем. Эту монографию, безусловно, можно порекомендовать всем интересующимся римским судопроизводством и ораторским искусством периода Поздней республики.

⁹ Римляне для обозначения этого чувства использовали слова *verecundia* и *pudor* (последний термин имеет более широкое значение, см. Kaster 2005, 28–65).

¹⁰ Lintott 1968, 115.

¹¹ См. Alexander 1990, 120–121, n. 244.

Литература / References

- Alexander, M.C. 1977: *Forensic Advocacy in the Late Roman Republic*. PhD thesis. Toronto.
- Alexander, M.C. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C.* Toronto.
- Alexander, M.C. 2002: *The Case for the Prosecution in the Ciceronian Era*. Ann Arbor.
- Crook, J.A. 1967: *Law and Life of Rome, 90 B.C. – A.D. 212*. Ithaca.
- David, J.-M. 1997: Die Rolle des Verteidigers in Justiz, Gesellschaft und Politik: Der Gerichtspatronat in der späten römischen Republik. In: U. Manthe, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse der römischen Antike*. München, 28–47.
- Enos, R.L. 1988: *The Literate Mode of Cicero's Legal Rhetoric*. Carbondale–Edwardsville.
- Kaster, R.A. 2005: *Emotion, Restraint, and Community in Ancient Rome*. Oxford.
- Kennedy, G. 1968: The Rhetoric of Advocacy in Greece and Rome. *American Journal of Philology* 89/4, 419–436.
- Lintott, A.W. 1968: *Violence in Republican Rome*. Oxford.
- Lintott, A.W. 2008: *Cicero as Evidence: A Historian's Companion*. Oxford.
- Plasberg, O. 1962: *Cicero in seinen Werken und Briefen*. Darmstadt.
- Powell, J.G.F., Paterson, J.J. 2004: Introduction. In: J.G.F. Powell, J.J. Paterson (eds.), *Cicero the Advocate*. Oxford, 1–57.
- Steel, C. 2016: Early-Career Prosecutors: Forensic Activity and Senatorial Careers in the Late Republic. In: P. du Plessis (ed.), *Cicero's Law: Rethinking Roman Law of the Late Republic*. Edinburgh, 205–227.
- Stroh, W. 1975: *Taxis und Taktik. Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden*. Stuttgart.

Vyacheslav K. Khrustalev,
 Herzen State Pedagogical University,
 Saint Petersburg, Russia;
 Pskov State University,
 Pskov, Russia
 E-mail: vyacheslav2511@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-3174-9028

В.К. Хрусталёв,
 к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
 института истории и социальных наук
 Российского государственного педагогического
 университета им. А.И. Герцена,
 Санкт-Петербург, Россия;
 научный сотрудник лаборатории
 «Центр комплексного изучения проблем
 региональной безопасности»
 Псковского государственного университета,
 Псков, Россия